

И. В. Малыгина¹

«СВОИ–ЧУЖИЕ»

В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РАЗЛОМОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Разговор на тему «“Свои–чужие” в глобальном мире» не может быть полным без обращения к проблеме культурно-цивилизационной идентичности, а потому актуализирует тему вечного, трудного, и по-прежнему незавершенного диалога двух равновеликих цивилизаций — Запада и Востока, то ли обещающих однажды «сойти с мест» и сделать шаг навстречу друг другу, то ли продолжающих наращивать потенциал взаимного непонимания и опасения.

Казалось бы, в ситуации глобального переплетения народов и культур эта вечная оппозиция может считаться исчерпанной, а известная максима Р. Киплинга утрачивает прежнюю безусловность и объективность. Никогда прежде западные и восточные культуры не нарушали с такой легкостью сопредельных границ и не прорастали так уверенно на противоположном цивилизационном полюсе.

Но в том-то и дело, что культура оказалась самым непредсказуемым и плохо управляемым игроком в сценарии глобального проекта. Как ни парадоксально это звучит, но идея глобального мира, «мира без границ», важной парадигмой мышления и социального взаимодействия сделала именно феномен границы. Другое дело, что относительная проницаемость и пластичность территориальных рубежей в полной мере компенсируется нарастающей плотностью культурных границ, маркирующих пространства «своего» и «чужого», которые к тому же все больше смещаются в ментальное пространство и выстраиваются вокруг идентичностей. Идентичность как способ разрешения экзистенциальных вопросов «Кто я?» и «С кем я?» и становится сегодня объяснительным принципом социокультурной динамики и культурного взаимодействия.

У Амина Маалуфа, французского писателя ливанского происхождения, конечно, были основания заметить: «Множество преступлений в современном мире совершаются от имени или во имя идентичности». Эту мысль поддерживают и российские исследователи, акцентируя, что именно покушение на сакральные чувства причастности человека той или иной культурной традиции лежит в основе фундаменталистских акций, столь многочисленных в последнее десятилетие. И только по этой причине «они квалифицируются как движения борцов за культурные ценности традиционализма, на которые покушается социальный и техно-

логический прогресс, представляемый ныне западной цивилизацией»².

Таким образом процесс «столкновения» культур и цивилизаций, в достаточной мере осмысленный в рамках современного социогуманитарного дискурса, постепенно «сублимирует» в пространство оппозиции культуры и цивилизации, «сопротивления традиционных культур и народов тотальному наступлению на них “цивилизации без святых и героев”»³, особой модальностью которой оказывается дихотомия «традиция–модернизация». Позволю себе предположить, что все многообразие и конфигуративность культурных сценариев и цивилизационных столкновений в глобальном мире зачастую «стягиваются» к глубинному противоречию *традиционности и модернизации*.

Крайние формы этого противостояния проявились в феномене современного терроризма. Это «вершина айсберга сопротивления утилитарному социоэкономическому образу жизни, который ведет технологизированная часть человечества, другой его огромной части, продолжающей культивировать духовные формы существования и ценностные способы регулирования социальных отношений»⁴.

Разделяя данную позицию, современные исследователи склонны расценивать 11 сентября 2001 года и многие другие террористические акции как события, абсолютно «культурные» по своим причинам, как акты борьбы «за сакральную неприкосновенность традиционной культуры». Конец XX — первое десятилетие XXI века войдут в историю как «эпоха восстания традиционалистов», возникшая в ответ на вторжение индустриальной культуры «на территорию традиционных культур к востоку от Европы»⁵.

Таким образом, взаимоотношения и «зеркальная» рефлексия традиционности и модернизации в современной культурной ситуации содержат в себе потенциальный конфликт, который разворачивается преимущественно на оси «Восток–Запад», поскольку именно эти цивилизации стали в современной культуре символами: в первом случае — традиционности с ее силой обычая, а во втором — превосходства «логоса» и последовательного рационалистического преодоления традиции. Поэтому именно в плоскости «Запад–Восток» обнаруживают себя самые глубокие разломы современного многополярного мира. Можно заметить, что не составили исключения события, развернувшиеся на наших глазах на Украине и разделившие страну баррикадами на Запад и Восток.

¹ Заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, профессор. Автор более 80 публикаций, в т. ч.: «Между Западом и Востоком: диалоги на границах культурных миров», «Российская идентичность в контексте культурных “разломов” глобального и локального», «Идентификационный ресурс культурной памяти: от “помнящей культуры” к “культуре забвения”», «Массовая культура и казус самоопределения, или Новые идентичности в древних одеждах», «Контуры новой российской идентичности», «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности». Член Российского культурологического общества.

² Флиер А. Я. Будущее возврату не подлежит // Креативность в пространстве традиции и инновации : тез. докл. и сообщ. Третьего Российского культурологического конгресса с междунар. участием. СПб. : Эйдос, 2010. С. 539.

³ Кутырев В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 92–93.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Флиер А. Я. Культурология 20-11. Авторский сборник эссе и статей. М. : Согласие, 2011. С. 89.

Этот вывод фиксирует один из наиболее тревожных рисков для России, цивилизационная идентичность которой исторически формировалась на границах культурных миров Востока и Запада, а рефлексия на эту тему всегда содержала в себе неразрешимую проблему. Если Петр Чаадаев утверждал: «Мы не принадлежим ни к Востоку, ни к Западу, и у нас нет традиций ни того, ни другого»¹, то Николай Бердяев, напротив, говорил о неразрывности и одновременно неизбежном конфликте восточного и западного начал в русской душе. Была и третья точка зрения, согласно которой Россия оказывается то ли отдельным «третьим культурным материком между Европой и Азией» (Г. Федотов), то ли границей, за которой соединение западных и восточных традиций оборачивается столкновением двух совсем не дружественных сил. Александр Блок напишет:

Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!

Очевидно, что в поисках цивилизационно-культурной идентичности Россия исторически тяготела к западноевропейской модели, особенно после Петровских реформ, которые, как написал в свое время Г. Федотов, «вывели Россию на мировые просторы, поставив ее на перекрестке всех великих культур Запада, и создали породу русских европейцев»². Но, с другой стороны, даже важнейший идентификационный признак — принадлежность к христианскому миру — Россия унаследовала не из Рима, как большинство европейских народов, а с Востока, из Константинополя.

Особенность российской культуры такова: веками здесь переплетались славянские культурные традиции с византийской, западноевропейской, мусульманской и языческой кочевой культурами. Поэтому при всех естественных проявлениях глобализма и ориентации на модернизационное развитие, ментально и культурно Россия не свободна от восточного традиционализма. И именно в идентификационном диапазоне «Запад–Восток» (причем Восток исламский) сегодня обнаруживает себя внутригосударственное, внутринациональное напряжение.

В поисках возможностей разрешения этого противоречия современные аналитики предлагают различные сценарии, в том числе достаточно радикальные. Можно услышать, например, что назрела необходимость *целенаправленного преодоления* «традиционных моделей социокультурной динамики». Аргументация такова: «Во-первых, они малоэффективны по своим результатам и, во-вторых, становятся слишком опасными в формах своего противостояния социальному прогрессу»³. Правда, каковы способы «целенаправленного преодоления» традиционности и как широк их диапазон, автор концепции умалчивает.

Подобная точка зрения отражает довольно распространённую на Западе позицию, согласно которой единственная возможность «приобщить» восточные народы к «правильной» западной цивилизации — их

европеизация или американизация. Сценарий не новый, он во многом повторяет установки эпохи колониального раздела мира и, как прежде, тяготеет к «монологическому диктату». Но отвечает ли он вызовам современной ситуации, которая побуждает размышлять не просто о том, как жить вместе человечеству, обреченному на взаимозависимость в глобальном мире, а как жить, не утрачивая различий в культуре и идентичности?

Невозможно представить мир, лишенный устоявшейся символической и идентификационной системы координат — мир без Запада и Востока, — не думаю, что свободный от конфликтов, но совершенно точно лишенный не только своего сегодняшнего обаяния, но и роскоши бесконечного открытия и постижения друг друга.

И кто выиграет от такого сценария? Наверное, не Восток. И уж точно не Запад, который исторически формировал свой образ на контрасте с Востоком, как отмечает Эдвард Саид в своем знаменитом исследовании «Ориентализм». Поскольку Восток — это «не только сосед Европы, но еще и <...> ее культурный соперник, а также один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого». И добавляет: «...европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному “я”»⁴.

Естественным в связи с этим оказывается вопрос о формах и принципах коммуникации в мире, с одной стороны, осознающем необходимость интеграции перед лицом глобальных проблем, а с другой — одновременно демонстративно манифестирующем свою культурную и цивилизационную неоднородность. Именно поэтому, очевидно, столь востребованными научным дискурсом примерно в одно и то же время оказались концепции толерантности и мультикультурализма, увы, не оправдавшие в полной мере возлагаемых на них надежд, но со всей отчетливостью провозгласившие важнейший гуманистический принцип — признание самоценности «иного» в культуре.

Между тем реализация данного принципа невозможна без реабилитации гуманистических приоритетов в социокультурной динамике; невозможна, пока субъектом межкультурных коммуникаций не станет качественно иной тип личности. Не «глобальный» человек — маргинал с невнятной идентичностью, а человек, глобально мыслящий, в идеале — универсально образованный и одинаково комфортно существующий в культурных мирах и Востока, и Запада. Такой тип личности, для которой презумпция невинности традиции — ценность столь же безусловная, как преимущества модернизации.

Похоже об этом грезят не только философы, но и художники. Вспомним «рассказанный» Джеймсом Кэмероном и покоривший весь мир пронзительный миф об Аватаре, который стал и границей, и посредником между «своими» и «чужими», между культурой и цивилизацией, между традицией и модернизацией, причем в их предельных формах и уже межгалактических измерениях. Правда, хеппи-энда не произошло.

⁴ Саид Э. Ориентализм. М.: Русский Мир, 2006. С. 8–11.

¹ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 43.

² Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 178.

³ Флиер А. Я. Культурология 20-11. С. 89.

Известный российский писатель Г. Чхартишвили для такого «идеального субъекта» придумал название «новый андрогин»¹. Вполне уместная метафора, если вспомнить, что мифических андрогинов боги разделили не как-нибудь, а по вертикальной оси, то есть на Восток и Запад. И это внушает надежду на то, что стремление к целостности и гармонии (в том числе

в культурно-цивилизационном смысле) заложено в генетическом коде не только человека, но и человечества.

Звучит завораживающе и... очень похоже на очередную миф в копилку глобализационного дискурса. Но есть ли альтернатива? Глобальной культуры не случилось, а современный мир по-прежнему артикулируется в терминах «своих» и «чужих».

¹ Чхартишвили Г. Ш. Но нет Востока и Запада нет. О новом андрогине в мировой литературе // Иностранная литература. 1996. № 9. С. 262.